

— На следующий день рано утром мы встретились у Ладушкинского вокзала и вместе сели в дизель-поезд Мамоново-Калининград, отправлявшийся из Ладушкина в 6.45. В полвосьмого мы были на Южном вокзале Калининграда и минут за 50 добрались до 2-го корпуса КГУ, в котором размещались физико-математический факультет и частично историко-филологический. Находился он на улице Чернышевского, в здании бывшего пединститута, не так давно преобразованного в университет, совсем рядом с 1-й школой, которую я когда-то кончал. Здание полностью сохранилось с немецких времён, когда в нём располагалось юнкерское училище, и для занятий оно вполне подходило: широкие лестницы и коридоры, большие аудитории. Мрачновато, правда, и холодно зимой, но всё же похоже на старинный вуз, напоминает наш физфак на набережной Макарова.

— Как выяснилось потом, Гострем был принят в КГУ на полставки профессора, назначен (по совместительству) врио завкафедрой теоретической физики, которую до того возглавлял доцент Альберт Кузьмич Приц, уехавший на ФПК повышать квалификацию. Гострем рекламировал себя как экспериментатора и вроде бы не претендовал на роль главы теоретической физики. Ему нужна была своя кафедра - экспериментальной физики, что требовало перестройки всего факультета, осуществимой только через министерство. Но, как говорится, бери, что дают. И Гострем начал с того, что переименовал кафедру теоретической физики в кафедру теоретической и экспериментальной физики. Вот на первое заседание этой новой кафедры мы с Виталиком и приехали вместе с Гостремом. Университетских на этом заседании было человек десять, публика в основном постарше нас, но ненамного. Нас с Виталиком Гострем представил как новых сотрудников кафедры, меня - как доцента! - после чего выступил с программной речью.

— Сегодня, когда с тех пор прошло много лет, мне трудно избавиться от иронии в отношении к Гострему, которая может проглядывать в этих и последующих строках. Тогда, по крайней мере на первых порах, всё воспринималось всерьёз и с энтузиазмом. В том числе и эта его речь, в которой он говорил о грандиозных перспективах, о коренной перестройке преподавания физики и математики, о слиянии вузовской и академической наук, о политике партии, направленной на создание и развитие периферийных научных центров и т.д., и т.п. Похоже было, что и на университетских он произвёл в основном неотразимое впечатление, как и у нас в Ладушкине. Хотелось скорее засучить рукава и работать.

— (Конечно, теперь, задним числом, можно было бы заметить много сходства в этой речи с выступлением Остапа Бендера в Васюках. Но, ещё раз подчеркну, тогда эта аналогия в голову не приходила. Все, как замороженные, слушали Гострема, раскрыв рот. И если с Остапом его аудитория разобралась в тот же вечер, то, чтобы раскусить Гострема, времени понадобилось гораздо больше...)

— В тот же день в университете Гострем предложил нам с Виталиком, не откладывая в долгий ящик, написать заявления о приёме на работу в КГУ по совместительству в должности преподавателей с почасовой оплатой, заполнить анкеты и написать автобиографии для отдела кадров. Мы проделали всё это, восхищаясь тем, как быстро Гострем от слов переходит к делу, завизировали свои заявления у него и у декана факультета Заикиной и отвезли свои бумажки в отдел кадров, который находился в 1-м корпусе КГУ. Для этого пришлось ехать на трамвае через полгорода. 1-й корпус, считавшийся главным, так как в нём располагались ректорат, бухгалтерия, отдел кадров, партком, местком и всё такое прочее, представлял собой неузнаваемо восстановленный в нелепом архитектурном стиле кусок одного из корпусов Кёнигбергского университета в бывшем центре города, полностью разрушенном, недалеко от Королевского замка, величественные остатки которого тогда ещё возвышались над поймой Прегеля, но уже неуклонно подъедались работами по изведению немецкого духа из города. Во дворе 1-го корпуса находился блиндаж, где была подписана капитуляция Кенигсберга.

— В Ладушкин мы с Виталиком возвращались воодушевлёнными. Новые люди, новые возможности, и уже не на словах, и не в перспективе, а вот они - начинай, действуй, это же не Ладушкин, где пять научных сотрудников, и где мы, тем не менее, пытались зажечь науку, здесь их вон сколько. Молодец, Гострем, в самом деле.

— И приработок не помешает. Невелики деньги, конечно, 1 рубль за час практических занятий (1,5 со степенью, 2 за лекционный час), но для нас и это был заметный процент при наших окладах, а я так до сих пор и вообще больше своих 78 рублей аспирантской стипендии пока не получал. А теперь 120, может, даже и 135, да там рублей 30 почасовых набегит. Живи да радуйся! Давно ли я о Севере мечтал?

— Вскоре в Ладушкине появилась жена Гострема - Этель Эмильевна, фамилию она носила Валлен, и с нею трое младших детей: Дженни, Мартин и Лаура, все школьники. Дженни очень симпатична в свои 15 лет, юная американочка; Мартин - хмурый, белобрысый, высокий подросток, 14 лет, с правильными чертами лица скандинавского типа; Лаура - угрюмоватая девочка лет 11, похожая на мальчишку. Этель Эмильевна - само обаяние и общительность. По-русски говорит правильно, несравненно лучше Гострема, хотя акцент и выдает её американское происхождение. Она поступила работать в университет преподавателем английского и французского языков, чем занималась и раньше в Иркутске. Детей Гострем не захотел отдавать в Ладушкинскую школу, и они каждый день мотались в Калининград.

— В университет мы с Виталиком ездили обычно на дизеле в компании со всей гостремовской семьёй. Дети, правда, всегда садились поодаль или даже в другой вагон, а мы сидели вместе: Гострем, Этель Эмильевна, Виталик и я. Этель Эмильевна не давала нам скучать эти 45 минут езды до города и с удовольствием болтала о чём угодно. Много рассказывала забавных историй из их жизни в Париже, Голландии, Америке, не чуралась анекдотов, даже и неприличных, активно пыталась приобщить нас к изучению разговорного английского языка.

— Мы вяло поддерживали её попытки. С утра хотелось спать. Ложились ведь обычно поздно, за полночь, а вставать надо было в шесть утра. Такие подвиги мы легко совершали лишь ради рыбалки, тут мы запросто могли и ночь не спать. Дизель же убаюкивал своей теплотой и мерностью хода. За окнами темно и холодно. Просыпались мы окончательно по дороге от Южного вокзала до 2-го корпуса. Эта часть пути проходила в очень бодром режиме: штурм автобуса, потом долгая езда в сдавленном состоянии по ухабам окружного пути (мимо барахоловки, так как прямая дорога по Ленинскому проспекту была с этого года закрыта для транспорта на несколько лет - начиналось строительство эстакадного моста), и, наконец, бег рысью от угла проспекта Мира и Коммунальной до 2-го корпуса. Опаздывать было нельзя: что дозволено студенту - ссылаться на городской транспорт, не дозволено преподавателю.

([продолжение следует](#))